

Попов, как отмечала А. В. Десницкая, «не остановился на повторении во многом еще наивных, не обремененных в плоть и кровь конкретного лингвистического материала построений заслуженного немецкого компаративиста» [12]. Главное отличие между Поповым и Курциусом заключается в определении первоначальной функционально-семантической сферы аккузатива. В то время как немецкий ученый возводил все типы употребления винительного к зависимому (т. е. объектному) аккузативу, Попов на многочисленных примерах показал, что древним индоевропейским языкам было свойственно чрезвычайное разнообразие в использовании аккузативных форм, выполнявших в предложении функции практически всех прочих падежей, не исключая и номинатива (ср. аккузативную по происхождению форму в роли именительного падежа среднего рода). Подобная полифункциональность побуждает прийти к выводу, что винительный (точнее, протоккузатив) был некогда общим косвенным падежом — или, говоря языком современной науки, «диффузным падежом, выражавшим целый ряд отношений, дифференцированных позднее по отдельным падежам» [13, с. 285]. Первоначальное различие аккузатива и номинатива носило, по мнению Попова, словообразовательный характер, так как формы с суффиксом *-s служили для образования *nomina agentis*, а с суффиксом *-m — для «названия предметов, означающих нечто второстепенное, зависимое» [4, с. 34] (ср. [13, с. 273; 14, с. 145]).

Таким образом, Попов вплотную подошел к реконструкции активной типологии праиндоевропейского языка. Становление номинативного строя влечет за собой постепенное разграничение синтаксических функций именительного как падежа субъекта и винительного, который, «оставляя функцию подлежащего», делается «указателем преимущественно на предмет второстепенный для мысли сравнительно с подлежащим», т. е. «падежом объекта в широком смысле», и «начинает свое специальное богатое развитие в этом направлении» [4, с. 30, 101]. Попов делит все случаи употребления винительного как падежа объекта в широком смысле (винительного независимо) на три группы: винительные времени, места и их протяжений (ср. др.-рус.: горы же вся *кругъ* обидоша — ПВИ, 256; тоу же прѣбоудяхъ *всю* *нощъ*. прихожаше же *вечеръ* одина старица — СинII, 215), винительные комитативные (ср. лит. *galvą ant balno nakĕ mēgojau* «я спал ночью с головою (вин. п.) на седле» [4, с. 132]), винительные отношения (санскр. *pāma* «по имени», лит. *skaud mano širdelę* «болит в моем сердце»), в том числе винительные коммодальные (лат. *me puditum est* «мне стыдно») [4, с. 131, 146, 149].

На основе винительных независимых развиваются винительные зависимые; переходы от одного типа связи к другому наблюдаются в древних индоевропейских языках, где та или иная трактовка аккузатива нередко определяется семантикой глагола: так, греч. «Ἐκτωρ δὲ γὰρ πρῶτος: φέρ' ἄσπιδα» может быть переведено как «Гектор между передними шел со щитом» (винительный комитативный) и «Гектор... нес щит» (винительный объекта) [4, с. 216] (ср. [15, с. 92, 101, 110 и др.]). А. В. Попов достаточно убедительно показывает соотносительность фактически всех видов употребления объектного винительного с постулируемыми им тремя типами независимого аккузатива (ср.: винительный цели > винительный при глаголах «достигать, находить, бросать, говорить, называть»; винительный комитативный типа «идти с ним» > винительный при «нести, двигать, пускать, класть, давать»; винительный отношения при *nikhā* «победить» > >винительный при «выиграть»).

Дифференциация винительных зависимых и независимых на ранних этапах языковой истории еще более затрудняется отсутствием релевантных критериев для их разграничения: основной такой критерий для современных языков — возможность пассивной трансформации в номинатив — сводится на нет нечеткостью залоговых корреляций, совмещением в одной форме действительного и страдательного значений (санскр. *pita* — «выпивший» и «выпитый») [4, с. 175].